

В знак дружбы Аньес Оппенгеймер

Предисловие

Вы держите в руках редкую и ценную книгу, восстанавливающую связи со старой психоаналитической традицией, традицией изложения одного-единственного клинического случая. Клеопатра Атанассиу-Попеско представляет нам со свойственной ей смелостью и проницательностью один сеанс за другим, очерчивая путь своего маленького пациента Дидье, и в итоге описывает его психоаналитический курс первых двух лет (все-го он продлился четыре года). Это психоаналитическое лечение в первый год проводится в режиме по два сеанса в неделю, три следующих года — по одному сеансу. Речь об образцовой работе, поскольку она завязана едва ли не исключительно на развертывание каждого сеанса, значимые моменты каждого представляются, анализируются, а потом обсуждаются. Таким образом, здесь мы можем наблюдать, во всех его превратностях, то психоаналитическое приключение, уникальное и часто столь таинственное, которое всегда завязывается между психоаналитиком и его пациентом, какого бы возраста последний ни был. Мы можем увидеть скачки вперед, но также неизбежные, но все равно досадные регрессии, в которых тяжелому испытанию подвергается как терпение аналитика, так и его способность «сдерживать», «контейнировать» или даже просто держаться.

В начале курса Дидье три с половиной года, соответственно, пять с половиной лет, когда заканчивается данное изложение. Читатель может пронаблюдать изо дня в день, с доказательствами на руках, удивительную психическую революцию, сопровождаю-

щую этот ключевой период развития. Доказательства состоят в том, что именно удается прожить, а также проговорить на сеансах, но также они опираются на эволюцию рисунков, которые я считаю неопровержимыми. Рисунки подтверждают, оттеняют, объективируют и сопровождают сам процесс психоанализа.

Вопрос доказательства, как известно, остается в психоанализе довольно спорной темой. Психоанализ не может удовлетворить научным критериям, требующим воспроизведения произошедшего и надежности эксперимента, то есть стабильности результата (или, если по-английски, *reproductibility* и *reliability*).

Психоаналитический опыт по определению уникален, а потому невоспроизводим, поскольку он возникает из встречи двух конкретных психических организаций в такой-то момент их психического развития. То есть это невоспроизводимый опыт, надежность которого, к тому же, невозможно доказать, если учитывать сложность задействованных параметров. Никогда нельзя заранее предсказать, какие последствия принесет лечение. При всем при этом, цепочка рисунков Дидье, включенных в последовательность сеансов, приобретает значение доказательства в плане несомненных психических изменений, о которых они свидетельствуют. Рисунки начинаются с вроде бы совершенно непонятных каракулей, которые в действительности с самого начала полны смысла, который может обнаружить психоаналитик. Потом же мы видим, как они постепенно развиваются — после ряда пробелов в них появляется человеческое лицо, затем фигурка человека, парящего в пространстве листа, которая затем «приземлится» на почву земной реальности. Дидье, соответственно, проходит в своем ритме те этапы организации рисунка у ребенка, которые были описаны в частности, Г. Хааг¹. Это развитие во многих отношениях поразительно, по-

¹ *Haag G. La constitution du fond dans l'expression plastique en psychanalyse de l'enfant // Le dessin dans le travail psychanalytique avec l'enfant. Eres, 1995.*

скольку в нем в самой росписи или «графо-моторном» стиле (Р. Дебрэ)² можно прочесть, с одной стороны, то, что остается неизменным, неприкасаемым, связанным с самой структурной организацией этого мальчика, то есть, с мой точки зрения, не поддающимся воздействию, и, с другой стороны, то, что, несмотря на все это, модифицируется, преломляется, усложняется в силу проработки, проводимой в процессе лечения.

Вполне убедительный тезис Клеопатры Атанасиу-Попеско завязан на значимость маниакальной защиты, без которой Дидье не может обойтись, поскольку именно она защищает его от невыносимого депрессивного страдания, которого он активно избегает, изгоняя его из себя.

Автор представляет маниакальную защиту в качестве нового и оригинального явления, обнаруживаемого уже на самых ранних этапах, поскольку оно возникает сразу же после первичных аутистических защит. То есть она играет главную роль, будучи «выходом из замыкания в первичном нарциссизме». Дело в том, что с появлением нарциссической защиты возникает царство Я-нарциссического, всемогущество которого должно постепенно ограничиться в силу возникновения, а потом и все большего утверждения Я-реальности. Психоаналитическое лечение Дидье убедительно демонстрирует нам не что иное, как эту долгую и трудную работу по высвобождению Я-реальности. Речь идет именно о борьбе, часто ожесточенной, которая начинается уже на первом сеансе. Действительно, Дидье сразу же производит поразительное расщепление: в обыденной жизни он настоящий пай-мальчик, который резервирует то, что выглядит маниакальным безумием, исключительно для психоаналитика, который может его понять и контейнировать. Это безумие прочитывается в содержании сеансов, и оно же обнаруживается на уровне рисунков, но его истинные качества выявляются, прежде

² *Debray R. L'équilibre psychosomatique; organisation mentale des diabétiques. Paris, Dunod, 1983.*

всего, в специфических характеристиках контрпереноса аналитика. И это, вероятно, один из наиболее интересных моментов в работе Клеопатры Атанассиу-Попеско, сумевшей точно описать качества этого контрпереноса. Так, работая с маниакальным ребенком, психоаналитик часто ощущает свою обесцененность, но он реагирует на это болезненное переживание вовсе не в модусе депрессии, а, напротив, он испытывает желание действовать, то есть умножать интерпретации, словно бы он сам заразился манией. Клеопатра Атанассиу-Попеско, опираясь на свой богатый опыт, рекомендует в такой ситуации воздержание: нужно молчать, чтобы не увлечься маниакальным возбуждением, которое все в себя затягивает. Молчать, но при этом, конечно, внимательно следить за ассоциативным процессом, который разворачивается у маленького пациента, поскольку именно от качества его выслушивания зависит исход борьбы с неодолимой маниакальной защитой, борьбы, которая нередко изматывает.

Все, кто занимаются психоаналитическим лечением детей или сталкивались с маниакальными эпизодами у взрослых пациентов, вероятно, легко узнают себя в тех тонких замечаниях о контрпереносе, которые приводит автор. В них обнаруживается та истина клинической картины, которую обязательно почувствует каждый, даже если ее формулировки и термины, которыми эта картина объясняется, не совпадает с теми, что обычно использует читатель. Это, к примеру, относится к различию Я-нарциссического и Я-реальности. Оно, в целом, кажется мне очень значимым, когда сопрягается со всеми превратностями и тонкостями объектного отношения, поскольку именно от этих превратностей и тонкостей Я-нарциссическое освобождается, воспаряя в маниакальном возбуждении, в котором объект исчезает, и именно эти превратности Я-реальность постепенно будет учиться терпеть, пусть процесс и не всегда будет ровным. Винникотт пишет об этом так: «Быть в депрессии — это успех». Дидье и его психоаналитик как нельзя более убедительно нам

это показывают. Сколько же работы и усилий потребуется, прежде чем можно будет просто принять, а потом вытерпеть, хотя бы на мгновение, то, что объект существует независимо от самости и, самое худшее, может подвести нас и даже предать! Маниакальная защита, если рассматривать ее под этим углом зрения, представляется в своем истинном свете, а именно в качестве радикального и действенного средства от всякого депрессивного переживания. В то же время понятно, что, если она хорошо выстроена, обойтись без нее сложно, и Клеопатра Атанасиу-Попеско прекрасно знакомит нас с этим аспектом проблемы. В самом начале лечения Дидье нашел язык маниакальной защиты, чтобы защититься от психоаналитика, а потом и чтобы общаться с ней. Как же тогда можно отказаться от нее, если тебя к тому же так хорошо понимают, не оставляя без внимания ни на минуту? Эта устойчивость защиты объясняет удивительную преемственность между сеансами, сохраняющуюся на протяжении всего лечения, которое проводилось в действительно разумном ритме. В этом автор подтверждает мой собственный опыт лечения триады отца-матери-ребенка: обычно отличной преемственности и непрерывности курса можно добиться за счет одного сеанса в неделю длиной в три четверти часа. Такая преемственность свидетельствует как об ангажировании в психоаналитический процесс, так и о его развитии. Впрочем, в случае Дидье, несмотря на бесспорное прогрессивное движение, видно, и это как раз подчеркивает психоаналитик, насколько сложно Дидье в ее присутствии освободиться на сколько-нибудь продолжительное время от маниакального решения, прекрасно рекомендовавшего себя в качестве антидепрессивного средства. Действительно, скрываться от фрустраций, от страха разделения и утраты в маниакальном воодушевлении — вот что часто представляется самым желанным выходом. Отсюда вопрос: не все ли дети, хотя, возможно, мальчики в большей степени, вынуждены в какой-то момент приступить к этой тяжелой работе

по отказу от маниакального убегания, работе, которая обычно является лишь временной и частичной? Соответственно, от качества этой работы по освобождению от маниакальной защиты будет впоследствии зависеть качество когнитивных инвестирований в мир знаний. Если это действительно так — и я разделяю это мнение с автором, — можно легко понять, какие значительные выгоды сулит грамотный психоаналитический курс, проведенный в раннем детстве, в плане психического и когнитивного развития ребенка, какова бы ни была его начальная психосоматическая организация.

Впрочем, речь не о том, чтобы преуменьшить сложность подобного проекта, поскольку психоанализ ребенка остается, несомненно, наиболее рискованной формой лечения, что обусловлено не чем иным, как важностью конденсаций в складывающемся, а потом и развивающемся психическом аппарате. Аналитик всегда должен делать вынужденный выбор. Именно это блестяще показывает Клеопатра Атанассиу-Попеско, снимая покров с тайны развития сеанса и раскрывая свои способы ведения, понимания и сопровождения маленького пациента, постепенно завоевывающего психическую свободу, для которой маниакальная защита уже не будет представлять вечной угрозы.

В общем, браво Клеопатре Атанассиу-Попеско, спасибо ей за эту богатую книгу, которая прокладывает свой курс в максимальной близости к клиническому материалу, пробуждая при этом идеи и приглашая к обсуждению всех тех, кто интересуется как развитием психического аппарата, так и психоаналитическим лечением детей.

*Розин Дебрэ
психоаналитик, член Парижского
Психоаналитического общества (SPP),
профессор клинической психологии Университета
Рене Декарта (Paris V)*

Введение

Первая часть этой работы, намного более краткая, чем следующая, посвящена обзору теоретических элементов, позволяющих лучше всего понять то, как феномен мании и маниакальной защиты рассматривался в психоаналитической мысли начиная с Фрейда.

В первой главе я рассмотрю идеи Фрейда, попытавшись выявить линию их развития и вопросы, которые для него оставались нерешенными, став, как это обычно бывало, плодотворным началом для нас и наших собственных размышлений. Чтобы постепенно развеялась «загадочность» этих вопросов, о которой любил говорить Фрейд, в нашем сознании должна произойти настолько серьезная теоретическая перестройка, что вряд ли можно затеять ее прямо сейчас. Я полагаю — и мои теоретические гипотезы призваны послужить тут ответом, — что эти вопросы требуют углубленной проработки проблемы первичного нарциссизма, которая и по сей день остается на стадии первоначального наброска, в том числе и на уровне теории.

Затем, во второй главе, я предлагаю рассмотреть последователей Фрейда, которые попытались понять манию в контексте своих собственных теоретических работ: речь о таких авторах, как К. Абрахам, М. Кляйн, К. Левин, наконец, Д. Винникотт.

Эти авторы, как и те, кто близки к ним по своим идеям, попытались разгадать тайну мании, опираясь на более глубокое понимание, с одной стороны, вторичного нарциссизма, а с другой — прегенитальных стадий.

Но ряд феноменов, составляющих клиническую картину мании, невозможно встроить в предшествующий теоретический подход. То есть остается множество проблем, поставленных манией, которые многими авторами, такими как П.-Кл. Ракамье, Ж. Жиллибер и А. Грин, были рассмотрены как нельзя более тонко, однако они не включили их в специальную теорию маниакальной защиты. В третьей главе я попытаюсь выяснить, в чем их мысль может оказаться плодотворной и послужить моим собственным идеям.

Наконец, в третьей главе я выдвину собственные гипотезы, опираясь не только на предшествующий теоретический корпус, но и на клинические соображения, которые займут всю вторую, гораздо более объемную, часть данной работы.

Часть 1

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
МАНИАКАЛЬНОЙ
ЗАЩИТЫ

1. Исследование мании у Фрейда

Исследования Фрейдом мании начинаются, по сути, лишь в 1917 году с работы «Скорбь и меланхолия». Однако еще в 1898 г. в работе «Сексуальность в этиологии невротозов» он упоминает о бессилии анализа в определенных случаях истерического расстройства, в частности при мании и меланхолии. В 1908 г. в «Сексуальных теориях детей» он также обсуждает случай женщины с манией, которая подводит своего врача к куче своих испражнений и заявляет ему, что это ее ребенок, которого она сегодня родила.

При ретроспективном взгляде в этих незначительных упоминаниях проблемы мании мы обнаруживаем, с одной стороны, чувство бессилия, которое так и останется у Фрейда, когда речь будет идти не только о лечении, но даже и о понимании «загадок» мании. С другой стороны, мы обнаруживаем анальное всемогущество, составляющее ядро этого заболевания, то есть тот момент, который будет подхвачен К. Абрахамом, поскольку особое место в проблематике мании он выделит фекализированному объекту.

В 1917 г. Фрейд представляет манию как вторую сторону той двуликой фигуры, которую, собственно, и составляет мания вместе с меланхолией. Впрочем, впоследствии он уточнит, что меланхолия не обязательно подвергается регрессу, проходя че-

рез манию. Она может получить и благоприятное развитие, не превращаясь в манию.

Как, собственно, Фрейд понимает в 1917 г. возникновение мании на основе эпизода меланхолии?

Прежде всего, мы должны отметить, что он представляет ее, как и многие авторы, работавшие после него, в качестве защитной реакции, которая заслоняет пациента от осаждающей его меланхолии. М. Кляйн будет говорить о маниакальной защите, а я буду использовать этот термин для обозначения динамического аспекта этого феномена: в качестве защиты он включается в движение, которое предполагает риск если не меланхолии, то по крайней мере депрессии.

В 1917 г. Фрейд понимает меланхолию в качестве провала работы скорби. Я (Мoi) не может принять разлуку с утраченным объектом и вернуть свои либидинальные инвестиции из внешнего мира на само Я. Фрейд рассуждает не в категориях внутреннего объекта, который бы противопоставлялся внешнему объекту, а в категориях Я и объекта. Объект, потерянный вовне, должен быть дезинvestирован ради переобращения инвестирования на Я.

В патологии скорби, по Фрейду, обнаруживается два элемента. С одной стороны, объект еще до его потери был проинvestирован нарциссически, так что его потеря была уподоблена потере самого Я. С другой, объект подвергся атаке, так что в момент его интериоризации в Я последнее само оказывается под ударом, так сказать изнутри, поскольку его атакует то, что стало частью его самого. Все те агрессивные выпады, которые ранее направлялись на объект, теперь направляются на Я. В 1923 г. Фрейд скажет, что «тень объекта» падает в таком случае на само Я.

Как совместить две причины, выдвинутые Фрейдом для того, чтобы понять появление меланхолии и, следовательно, мании?

Я думаю, что возникновение агрессии, направленной на объект, можно понять на основе нарциссического инвестирования этого объекта. Именно тогда, когда Я замечает, что объект не является продолжением его самого, оно может начать проявлять по отношению к нему агрессию. В этом и заключается вся проблема выхода из первичного нарциссизма, который связан с проблемой конституции объекта. Но в этом же заключается и проблема различия между интроекциями и интроективными идентификациями, если использовать терминологию, которую сам Фрейд на тот момент еще не использовал. Интроективная идентификация предполагает усвоение потерянного объекта внутри Я, завершение работы скорби и принятие утраты этого объекта во внешней и внутренней реальности. Тогда как просто интроецированный объект может ощущаться в качестве эквивалента внешнего, выступая нарциссическим убежищем в том случае, когда внешний объект отсутствует.

Мне кажется, что Фрейд указывает на последний момент, когда говорит об идентификации Я с потерянным объектом в 1917 г., когда Я еще не определено в качестве инстанции, которая займет свое место в третьей топике 1923 г., то есть в «Я и Оно». Я, обращающееся против себя самого в меланхолии, как оно описано в 1917 г., в 1921 г., в «Массовой психологии и анализе Я», будет соответствовать конфликтной динамике между Идеалом Я и Я, которое преследуется Идеалом Я, а в 1923 г. — ожесточению Сверх-Я, враждебного к Я и садистически над ним измывающегося.

В этот период, начиная с 1917 г. и заканчивая 1923 г., речь идет всегда об интегрировании потерянного объекта, существование которого высвобождается в качестве такового, то есть в качестве чего-то отличного от Я и способного стать отдельной инстанцией, Идеалом Я в 1921 г. и Сверх-Я в 1923 г.

В таком случае мания — это защита, которая позволяет избежать груза преследования, связанного с агрессивным потенци-

алом, который несет интериоризированный объект. Проведем, впрочем, различие в том, как Фрейд понимал это избегание на разных этапах развития своей теоретической концепции меланхолии в период 1917-1923 гг.

В 1917 г. преобладает понимание в экономических категориях. Фрейд говорит о том, что «все переживания радости, ликования, триумфа, выступающие для нас признаками мании, определяются экономическими условиями». И далее (р. 166): «Во всех этих состояниях обнаруживается событие, действие которого делает, наконец, ненужным значительный расход психических сил, который долгое время поддерживался или выполнялся в рутинном режиме, так что эта энергия становится доступной для применения и всевозможных видов разрядки».

И если меланхолия связывает эту «энергию», то мания ее освобождает, если не развязывает. Речь идет о радости, триумфе над депрессивным грузом и объектом, который отягощает этим грузом Я. Далее я вернусь к понятиям триумфа и воодушевления. Пока же мне достаточно снова процитировать Фрейда: «В мании необходимо, чтобы Я преодолело утрату объекта, скорбь, относящуюся к этому объекту или, быть может, сам объект, вследствие чего заряд контринвестирования, который боль меланхолии оттягивала от Я к себе и который она связывала, становится доступным. Маниакальный пациент показывает нам... что он освобожден от объекта, заставившего его страдать» (р. 167).

Но эта экономическая точка зрения не заставляет Фрейда потерять из виду ту перспективу, в которой учитываются связи, которые Я образует со своими объектами и будущим Сверх-Я: в меланхолии, говорит он чуть далее (р. 171), обычный путь, допускающий отделение либидо от утраченного объекта и осознание этого процесса», «перекрыт преградой». Тогда мы видим (р. 172), что «Я обесценивает себя и злится на самого себя». В самом скором времени берет верх маниакальная защита: «Каждое из

амбивалентных сражений ослабляет фиксацию либидо на объекте, обесценивая его, принижая его и, так сказать, забывая его до смерти». Поскольку в конце концов гнев либо истощает сам себя, либо оставляет объект, признавая его не имеющим никакой ценности, «Я в таком случае может наслаждаться тем, что признает себя в качестве лучшего, превосходящего объект».

Далее Фрейд указывает на то, что «из трех условий, предполагаемых меланхолии, а именно утраты объекта, амбивалентности и регрессии либидо в Я», только третий фактор может привести к маниакальному триумфу. Но, чтобы понять этот переход, он опять же отсылает к экономической точке зрения: «Накопление инвестирования, которое первоначально связано, а затем становится свободным после завершения работы меланхолии, а потому делает возможным манию, — само это накопление должно быть связано с регрессией либидо к нарциссизму» (р. 173).

В этом последнем замечании Фрейд касается весьма важного, с моей точки зрения, пункта, связанного с подходом к воодушевлению. Речь идет об освобождении энергии, которая более не «связана» с объектом и которая в то же время нашла поле, где она может дать себе выход. Я объясню это, используя сравнение этого феномена с тем, что сопровождает обыденное событие, прежде всего в жизни маленьких детей, но также встречающееся и на разных стадиях жизни взрослых. Если понаблюдать за группой детей, которые скопились перед дверью, ожидая, когда ее откроют, что мы заметим, когда дверь наконец откроется? Увидев, как они рассыпаются по доступному им теперь пространству, услышав их оживленные крики, раздающиеся в этом пространстве, как будто бы безграничном, мы можем представить себе, чем является маниакальное отношение — и не только в силу простого аффективного соответствия, но и приняв экономическую точку зрения, о которой говорит Фрейд, и попытавшись связать ее с упомянутой им нарциссическим регрессией.

То есть это расширение после сжатия, разрядка после сдерживания, легкость, наконец обретенная после напряжения привязки.

Хотя Фрейд в конце своего текста 1917 г. признается, что, несмотря на многочисленные попытки продвинуться в решении этой проблемы, он должен «отложить исследование мании до того момента, как станет больше известно об экономических условиях боли», боли телесной и психической, я полагаю, что он предоставил нам основания для ряда наших вопросов. Поэтому наш подход необходимо отождествить с его собственным: мы будем опираться на промежуточные теоретические основания, раскрывая их в наших наблюдениях над тем, что ставит эти теории под вопрос и преобразует их, а также над тем, к чему нас подводят заданные им возможности.

Когда Фрейд осмысляет отношение между либидинальным отношением и манией, он упоминает нарциссизм, который выступает, видимо, параллелью к этому освобождению: в меланхолии либидо накапливается за преградой, которая не дает ему перейти к объекту. Но когда оно «освобождается», создает ли оно возможность для того, чтобы сформировались настоящие объектные связи, то есть связи гибкие и прочные, долговременные и способные сохраняться, несмотря на отсутствие объекта, который их вызвал? Какова природа этого повторного либидинального инвестирования объектов? Позволяет ли оно теперь завершить работу скорби, неудача которой повлекла закупоривание меланхолии? На этот вопрос Фрейд не дает ни положительного, ни отрицательного ответа.

Однако, когда он уточняет, что только третий фактор «условий, предполагаемых меланхолией», то есть «регрессия либидо к нарциссизму», может привести к тому, что мы наблюдаем в мании, то есть к триумфу над объектом, он указывает нам в то же время на то, что отношение Я к объекту в мании по-прежнему ограничено нарциссической сферой, хотя оно и ассоциируется с движением либидинального расширения.

Мы уже можем заметить, что мысль Фрейда, когда он рассуждает о связи с объектом в мании, несет в зародыше все те вопросы, которые встают и перед нами, когда мы хотим лучше понять, как объект может быть проинвестирован нарциссически в качестве продолжения себя и как в то же время его «объектное» качество может распознаваться, преуменьшаться, презираться, так что благодаря эффекту «баланса» Я в свою очередь превозносится за свою силу и ценность, которой оно чувствует себя наделенным.

Если объект — это продолжение самости, согласно самому определению нарциссизма, каким бы он ни был, примитивным или развитым, как же тогда презрение, которое поражает подобный объект, не поражает в то же самое время Я и не влечет то же самое чувство обесценивания себя, что и в меланхолии? Таков, мне кажется, пример теоретико-клинической связи, скрывающейся за развитием мысли Фрейда и поспособствовавшей сохранению у него чувства загадочности проблемы мании.

Либо мания действительно способствует завязыванию либидинальной связи с объектом, и ее выражение не может сопровождаться подобным триумфом над ним или презрением к нему, либо — и в этом заключается необходимая гипотеза, к которой мы приходим при условии, что описание феномена мании точно и демонстрирует все те признаки, что были перечислены Фрейдом, — либидинальное выражение и выражение влечения, являющееся свойством мании, не способствует завязыванию настоящих объектных связей.

Именно в этом направлении мы будем двигаться, когда воспользуемся результатами исследований проявлений первичного нарциссизма, чтобы лучше понять феномен мании. И тогда, я надеюсь, нам удастся схватить поверхностный характер связи с объектом. Она является не более, чем видимостью, соответствующей другому клиническому признаку в описании маниакального пациента, а именно маске, легкости и подвижности

человека, пребывающего в постоянном возбуждении и являющего образ либидинального удовлетворения, но на самом деле не проживающего такое удовлетворение в его истинной глубине и длительности. Из-за груза соответствующих связей он бы стал меланхоличным.

Я не буду здесь задерживаться на тезисах, которые буду развивать далее, но хотела бы подчеркнуть то, как нас подводит к ним мысль Фрейда, если основываться на плодотворности его собственных загадок.

Все те атаки, мишенью которых в меланхолии было Я, в мании перенаправляются на объект, чтобы освободить от него Я. Однако маниакальный пациент не занимается освобождением агрессивных влечений, дабы разрушить объект. Целью его атак оказывается только обесценивание объекта, в то же время он сохраняет либидинальную игру с ним. То есть он производит выборку из негативных аспектов самой амбивалентности, которую подчеркивал Фрейд, считая ее источником того, что тормозит нормальное осуществление скорби и что продлевает ее в виде незавершимой меланхолии.

Чувство гнетущей вины, присутствующее в меланхолии, свидетельствует об атаке, мишенью которой был объект, но в то же время оно говорит о признании ценности и значимости последнего. Когда же Я чувствует себя атакованным объектом изнутри самого себя, причиной, согласно этой гипотезе, является механизм чистой обратимости направления агрессии. Но все происходит здесь так, словно бы деструктивность не ограничивалась ни в одном направлении, ни в другом. В 1923 г., Фрейд будет говорить о Сверх-Я у меланхолика как «чистой культуре инстинкта смерти». Я понимаю это в том смысле, что в этой инстанции обретает плоть желание уничтожить Я. Однако — и к этому нас подводит отсылка к влечению к смерти — это желание уничтожения Я вызвано способностями связывания, имеющимися у Я. По моему мнению, инстанция Сверх-Я в меланхолии нацелена

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru